

Серов Георгий Алексеевич

16+

Апология Борхеса

Одно эссе, один рассказ

Георгий Алексеевич Серов

Апология Борхеса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53815878

SelfPub; 2020

Аннотация

Книга не является ни оправданием, ни чрезмерным восхвалением Борхеса, но лишь обозначает подверженность автора магическому реализму. «Карл ван ден Воорт – писатель-самоучка» повествует о выдуманном персонаже – писателе, достаточно далёком от литературного мейнстрима, творения которого остаются незаметными для широкой аудитории. В эссе «Глубинная мысль, лежащая на поверхности» даётся толкование идеи, лежащей в основе рассказа Х.Л. Борхеса «Алеф».

Содержание

Предисл. авт.

4

Карл ван ден Воорт – писатель-самоучка

7

Предисл. авт.

В отличие от платоновской «Апологии Сократа» данная «апология» не подразумевает какого-либо оправдания Борхеса, но подразумевает приверженность течению магического реализма, в лице наиболее крупного его представителя. Всё.

)
(Глубинная мысль, лежащая на поверхности)

Здесь, по идее, должна быть размещена фотография Хорхе Луиса Борхеса на ступеньках, ведущих в подвал дома Карлоса Архентино, где, как известно, тот обнаружил в своё время Алеф.

На губах Борхеса тень неуверенной улыбки, ибо он убеждён, что его знакомый – обычный сумасшедший, который толкает его на какую-то бессмысленную авантюру. Слыханное ли это дело – иметь в подвале некую точку пространства, где, не смешиваясь, находятся все предметы, которые можно видеть со всех сторон!

Фотография здесь, тем не менее, не приводится, в связи с отсутствием согласия потомков фотографа, запечатлевшего сей исторический момент, на её бесплатное размещение в конце рассказа, который одновременно является его началом.

Впрочем, как я полагаю, желающие могут найти данную фотографию на просторах Интернета

(1)

Алеф – место, где, по версии Борхеса, сосредоточены все места и предметы вселенной. Со слов Борхеса мы знаем, что «в диаметре Алеф имел два-три сантиметра, но было в нем все пространство вселенной, причём ничуть не уменьшенное», которое он мог видеть одновременно, и лишь несовершенство языка вынудило его перечислять в последовательности то, что открылось его взору.

Не подготовленному читателю такой полёт фантазии писателя может показаться близким к сумасшествию или к некой мистификации, однако же изложенное в «Алефе» не представляется возможным, по зрелому размышлению, признать ни сумасшествием, ни даже особо высоким полётом фантазии, ибо изложенное твёрдо зиждется в своём основании на вполне земных вещах.

Дело в том, что название рассказа – первая буква арабского письма:

ا

Она же означает и единицу.

***

Вместе с тем, стоящий, как перст посреде листа бумаги, он, «Алеф», не произносим. Звук он даёт только в сочетании с другими знаками арабицы (огласовки и «хамза»).

Он – мост, проложенный меж Небом и Землей.

Он же включает в себя и Небо, и Землю.

Он рвётся ввысь и ниспадает вниз.

Ограниченный, он подразумевает бесконечное.

Совершенно простой, точнее, совершенен в своей простоте, он означает начало.

Итак, неизносим (невыразим) и включает в себя идею всего сущего. Это как раз то, что Витиевато выразил в своем рассказе Борхес.

Карл ван ден Воорт **– писатель-самоучка**

Не так давно нас настигла печальная весть о кончине малоизвестного автора трудов «Апология Павича» и «Апология Кафки» голландского писателя Карла ван ден Воорта, смерть которого, как и в случае с остальными представителями рода человеческого, была предсказуема, но всё же оказалась внезапной.

Труды его являют собой дичайшую смесь исторических, лингвистических, а также псевдоисторических и псевдолингвистических изысканий за пределами обыденного человеческого сознания. Мне кажется, что отсутствие интереса к данному автору как со стороны земляков, так и за пределами его родины не в последнюю очередь обязано именно этому обстоятельству.

Я же (да и не только я, полагаю) могу по праву назвать К. ван ден Воорта своим вдохновителем и наставником на нелёгком писательском пути. Отдавая дань его настойчивости и мужеству в постижении последних истин, разгадке вопросов, ставящимся им и только им одним самому себе, автор принял на себя труд составления энциклопедии произ-

ведений Воорта¹.

Так, перу его принадлежат такие шедевры, как «Старческие годы Мао», где он описывает окутанного лёгким флёром медикаментов разжиревшего коммунистического императора Поднебесной, развлекающегося под звучание сяо и гуциней с косоглазенькими симпатяшками в военной форме. Необузданная фантазия К. ван ден Воорта перенесла его в святая святых – опочивальню Мао (оприходовавшего одну за другой девиц в тщетных поисках бессмертия), реальное проникновение в которую привело бы писателя к бесславной и скорой смерти.

«Муж Евы Браун» – вторая по хронологии книга писателя о тех немногих оставшихся ему часах жизни человека, женившегося 29 апреля 1945 г. на небезызвестной прадочери первой женщины, являющейся одновременно её тёзкой, Еве Браун, для того, чтобы на следующий день, 30 апреля 1945 г., покончить жизнь самоубийством.

Писатель рассуждает, о том, чем было обусловлено такое нестандартное решение – жениться за несколько часов до смерти? – выдвигая гипотезу о том, что Гитлер таким оригинальным способом хотел умиловить католического Бога.

Идя далее в своих размышлениях, Воорт приходит к выводу о том, что в глубине души Гитлер всё-таки вовсе не хо-

---

¹ Энциклопедия – это, пожалуй всё-таки, слишком громкое название для простого путеводителя.

тел быть грешником².

Ещё несколько вопросов тревожили до глубины души писателя. Отчасти они так и остались без ответов, несмотря на предпринятое писателем фундаментальное исследование чувств и мыслей мёртвого ныне мужа Евы Браун. Что чувствует низвергнутый вождь в последние часы жизни? Как долго в голове Гитлера созревал план самоубийства? Созрел ли он ещё до женитьбы на Еве или же после, когда Гитлер был уже порядком измотан семейной жизнью?

Безусловно, центральной темой книги являются всё же предполагаемые чувства и мысли Гитлера – развенчанного вождя и тирана. Теме этой посвящены примерно 200 страниц эссеистического шедевра Воорта.

Ближе к концу своих занудных рассуждений он приходит к постулированию теории «комплекса Гитлера», через понятие которого он пытается объяснить феномен стремления к бессменному правлению лиц, возглавляющих государства, находящиеся несколько восточней Западной Европы.

Вкратце суть его умозаключений сводится к тому, что все вожди, императоры, кормчие и т.д. стремятся сохранить за собой свои должности до самой гробовой доски, дабы не испытывать тех мук, которые испытывал Гитлер в течение достаточно незначительного промежутка времени, равного,

---

² Мысль эта, как представляется, своеобразно перекликается с цитатой А. Франк «несмотря на всё, я всё ещё надеюсь, что люди действительно хорошие в глубине души».

как утверждает Воорт, одному дню, оказавшихся, однако, достаточными для него, чтобы реализовать план окончания жизни самоубийством.

«Можно лишь представить, насколько невыносима жизнь человека, когда такие муки отстранённого, развенчанного, забытого всеми властителя, преследуют его не один день, а месяцы, годы и даже десятилетия!» – пишет Воорт в своём эссе.

Именно феномен стремления любой ценой удержаться у власти голландский писатель достаточно смело считает своим происхождением обязанным «комплексу Гитлера».

Писатель неоднократно возвращался к личности Гитлера в своих романах, рассказах и эссе. В частности, данному историческому персонажу посвящён роман Воорта «Путешествие дона Хуана или в Европу и обратно».

Объём путеводителя не позволяет привести сколь-нибудь развёрнутое содержание романа, поэтому автор приводит здесь составленные Воортом краткие аннотации к главам «Путешествия дона Хуана»:

Глава 1, в которой повествуется о доне Хуане – малоизвестном аргентинском писателе, который решил заняться описанием хроники освобождения Франции от нацистского режима. Ближе к Рождеству 1944 г. он прибыл на трансатлантическом лайнере «Суэньо» в Гавр, откуда добрался до Парижа.

Глава 2, в которой повествуется, как дон Хуан пробыл

некоторое время в Париже, посетил крупные города Франции и, набрав, по его мнению, достаточно материала для книги, в конце марта 1945 г. отбыл из Гавра обратно на родину – в Аргентину.

Глава 3, в которой повествуется, как дон Хуан познакомился с парой из Германии, Адамом и Евой Браун, следующей из шведского Мальмё в Буэнос-Айрес.

Глава 4, в которой повествуется, как трансатлантический лайнер проходит вдоль побережья Канады и США, подгоняемый холодным Лабрадорским течением, а у дона Хуана появляются подозрения относительно того, не являются ли немецкие туристы А. Гитлером и Е. Браун.

Глава 5, в которой дон Хуан окончательно убедился, что немцы являются не теми, за кого себя выдают, а теми, кого за ними заподозрил писатель, и решает, во имя дальнейшего благополучия и процветания рода человеческого, уничтожить своих новоиспечённых знакомых путём сбрасывания за борт лайнера «Суэньо» в холодные воды Атлантики.

Глава 6, в которой повествуется, как дон Хуан, выманив под обманном предложением супругов Браун на палубу трансатлантического лайнера, сбрасывает их за борт, после чего проваливается в некую метафизическую пропасть, простудившись и провалявшись на койке в своей каюте до самого Буэнос-Айреса.

Глава 7, в которой повествуется о том, как дон Хуан, весьма ослабший после болезни, сходя по трапу на родную зем-

лю в порту Буэнос-Айреса, мельком замечает в толпе знакомые ему шляпку мадам Браун и челку Гитлера, однако расценивает видение как галлюцинацию.

Глава 8, в которой повествуется о том, как дон Хуан раздираем внутренними противоречиями, поскольку сказать окружающим об убийстве Гитлера и его жены он не может и к тому же он вообще не уверен, что убил Гитлера и ему это не привиделось. На протяжении всей оставшейся жизни его продолжают преследовать пара из Германии, которую он видит то в районе Реколеты, то в Боскес де Палермо, то в баре Ля Пас на Авениде Коррьентес.

Как можно увидеть, роман оставляет больше вопросов, чем ответов на них. Всё в романе, начиная от названия трансатлантического лайнера («мечта», «сон»), на котором перемещается дон Хуан в Европу и обратно, и заканчивая происшествием с фюрером и его женой отдаёт мистификацией.

Сами по себе идеи путешествия американца в Европу, оставления Гитлером гибнущей империи для того, чтобы осесть в далёкой от политических страстей Европы Латинской Америке, наверное, нельзя признать новыми, как и идею подражания джойсовскому «Уллису» с его множеством планов, подтекстов, аллегорий и аллюзий.

За незамысловатой канвой повествования, как признавался сам писатель, скрыты десятки планов, а уж о количестве аллегорий и аллюзий писатель и вовсе отказался сообщить,

рассчитывая, очевидно, что этим неблагодарным делом займутся исследователи его творчества (однако таковых почему-то не нашлось).

Далее можно перечислить труд писателя с весьма нескромным названием «Мой брат Борхес», в котором тот повествует, что многие творения Борхеса, начиная от цикла стихотворений в прозе «Пыл Буэнос Айреса» и заканчивая «Алефом» и «Пьером Менаром, автором Дон Кихота» пришли Воорту в голову ещё до их прочтения³.

Как успел понять автор, у Воорта с небезызвестным аргентинцем, уроженцем Буэнос-Айреса Х.Л. Борхесом были довольно-таки сложные отношения. Это следует хотя бы из того факта, что, называя Борхеса своим другом, писатель, тем не менее, не посвящает аргентинцу какой бы то ни было «Апологии».

Чем обусловлено возникновение таких чувств к Борхесу со стороны Воорта, нам невдомёк. Писатели, как известно не встречались, по крайней мере в окружающей нас видимой Вселенной, а также не вступали в какую-либо полемику. Нельзя исключить, что в Борхесе голландец видел некоего конкурента в сфере построения миров-фикций. Однако же на этот счёт мы можем строить лишь догадки.

---

³ Нет, всё можно понять – зачастую мы находим в книгах те идеи, которые пришли к нам в голову буквально за день-два до прочтения о них в книгах, но мы же не трезвоним об этом во всеуслышание и не называем авторов книг, в которых оказались идеи, помысленные нами до их прочтения, своими братьями и сёстрами!

Воорт в нескольких кратких эссе со всей очевидностью пытался развенчать миф о глубокой и яркой фантазии великого аргентинца, закончившего свои дни в Швейцарии. В своей миниатюре «|» писатель убедительно доказывает, что изложенное Борхесом в его рассказе «Алеф» не представляется возможным, по зрелому размышлению, признать ни сумасшествием, ни даже особо высоким полётом фантазии, ибо изложенное твёрдо зиждется в своём основании на вполне земных вещах.

Здесь, как полагает автор, необходимо обратиться непосредственно к тексту эссе ван ден Воорта.

Так, он указывает, что «название рассказа Борхеса – первая буква арабского письма. Она же означает и единицу. Вместе с тем, стоящий, как перст посреде листа бумаги, он, «Алеф», не произносим. Звук он даёт только в сочетании с другими знаками арабицы (огласовки и «хамза»). Он – мост, проложенный меж Небом и Землей. Он же включает в себя и Небо, и Землю. Он рвётся ввысь и ниспадает вниз. Ограниченный, он подразумевает бесконечное. Совершенно простой, точнее, совершенный в своей простоте, он означает Начало.

Итак, произносим (невыразим) и включает в себя идею всего сущего. Это как раз то, что витиевато выразил в своем рассказе Борхес».

Примерно таким же образом Воорт доказывает, что рассказ «Фунес, чудо памяти» имеет в своей основе совмещение

идей китайского иероглифического письма и десятичных систем счисления.

В книге «О чудовищном различии в мировосприятии и мышлении народов Ближнего и Дальнего Востока» писатель, на примере написания цифры один – «|» у арабов и «—» в Японии и Китае, призывая на помощь сравнения культурологического, исторического и других планов, на пятистах с лишним страницах обосновывает, доказывает, полемизирует с невидимым собеседником, делая для того очевидным, что указанные в названии книги различия огромны и не в последнюю очередь обязаны своим появлением разницей в написании числа «1» – мысленного представления отдельного абстрактного объекта, являющегося одновременно наименьшим натуральным числом.

Аналогичным образом писатель обосновывает разительные различия и постоянные конфликты между семитами и окружающим их арабским миром частным случаем различия написания первой буквы алфавита – «алеф». Напомним, изображение алефа в иврите выглядит «𐤀», а в арабице «|». Различие написания, по мнению автора, и приводит к столь разительным противоречиям в мировосприятии и в изложении картины мира, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Далее, в обширном труде «Что немцу молоко, то арабу – соль» Воорт, в свойственной ему саркастической манере, зачастую переходящей в откровенно шовинистическую, срав-

нивает слова разных языков, созвучных при произношении, однако зачастую имеющих противоположный смысл.

В частности, в книге имеется заметка с парадоксальным наименованием «Почему в Китае так много Хуанов», которая может привести неосведомлённого читателя к ложному умозаключению, что в Поднебесной много испаноязычных граждан.

Полагая себя, по-видимому, утончённым лингвистом-острячком, писатель развёртывает нить своего объяснения феномена, приведённого им в названии заметки, с посылки о широком распространении суждения о том, что китайцы имеют желтоватый оттенок кожи. Это приводит к тому, что китайцев зачастую называют «жёлтыми». Слово, созвучное с испанским именем «Хуан» в китайском языке означает «жёлтый» (#). Таким образом, в самом названии заметки кроется как парадокс (для неосведомлённого читателя), так и риторический вопрос (для читателя осведомлённого).

Это же в полной мере относится и к названию книги. «Milch», звучащее как «мильх», с немецкого переводится как «молоко», а «ملح», звучащее практически таким же образом, с арабского переводится как «соль». Таким образом, в названии книги кроется, опять же, как парадокс (для неосведомлённого читателя), так и банальнейшее утверждение (для читателя осведомлённого).

Следует признать, Воорт – писатель уникальный. Так, в 2000 году он опубликовал ненаписанное произведение. В ли-

тературном журнале «Вестник голландских высот» под названием рассказа «Толкование времени» и фамилией автора красовалось несколько пустых страниц.

Некоторые критики бросились комментировать очередное творение писателя, причём мнения критиков разделились. Ряд статей взхлёб расхваливало произведение: «Воортом опубликован весьма и весьма символический рассказ, красноречиво показывающий, что толкование времени – занятие неблагоприятное и, по сути, невозможное», «сквозь чистые страницы журнала нам улыбается Будда».

Более скептически настроенные критики указывали, что «этот, с позволения сказать, писатель, окончательно исписался – он уже на пустом (в прямом и переносном смысле) месте изображает глубокомыслие и загадочность».

Между тем, как нам кажется, символизм рассказа заключался всё-таки в том, что Воорт, оплатив из своих скудных запасов публикацию задуманного им творения, не смог уложиться в срок, не успел написать его к моменту вёрстки журнала и редактор принял волевое решение действовать в рамках подписанного с писателем контракта.

Поскольку из контракта были почерпнуты сведения о названии рассказа и авторе, а также о предполагаемом объёме творения, оплаченном писателем, под заглавием и фамилией автора красовались десять страниц абсолютно белой бумаги.

Конечно же, такое волевое решение редактора привело, насколько известно составителю путеводителя, к тому, что

Воорт в дальнейшем не присылал в редакцию «Вестника голландских высот» рассказы для публикации. Вполне вероятно, что это впоследствии привело и к полному отказу Воорта от публикации своих произведений, однако тут мы вторгаемся в область домыслов и предположений.

Известным исследователем творчества практически неизвестного автора, о котором здесь ведётся речь, господином С. Дроомом, найдено также несколько томов эпитафий, которыми, как представляется, писатель хотел украсить свои творения, однако по тем или иным причинам не смог этого сделать. Это обусловлено, скорее всего, краткостью пребывания на земле человеческого существа, включая и существо К. ван ден Воорта, на реализацию всех проектов которого потребовалось бы не одно тысячелетие.

Здесь автор приведёт лишь некоторые, показавшиеся ему наиболее интересными, эпитафии. Хотя к какого рода произведениям они могли бы подойти, нам остаётся лишь гадать.

1.

Моя жизнь – вечная ночь... Умирая, я мог бы воскликнуть, как Ахиллес: *Du bist vollbracht, Nachtwache meines Daseins!*

С. Кьеркегор

(Греческий Ахиллес говорит на немецком – это идея, которую необходимо использовать! К. ван ден Воорт)

2.

...и социально-экономические проблемы гонки вооружений...

В докладах рассматривается эволюция ядерных арсеналов и социально-экономические проблемы гонки вооружений...

В докладах рассматривается эволюция ядерных арсеналов и социально-экономические проблемы гонки вооружений...

Depeche Mode. To have and to hold.

3.

Писатель в своих творениях
приводит лишь свою точку зрения,
с которой он, в общем-то,
не согласен.

Г.А. Серов

4.

Вот все талдычат, что пессимист – это тот, кто говорит: «хуже не бывает», а оптимист – это тот, кто говорит: «бывает и хуже».

Я же говорю вам, олухи, что в таком случае любой оптимист является пессимистом в силу того, что он допускает худший вариант развития событий, а любой пессимист является оптимистом в силу того, что он худший вариант развития событий не допускает.

Ересиарх Мисрандил Богохульник

Конец эпитафий
и любых воспоминаний о них.

***

Определённый интерес у читателя может вызвать эссе Во- орта о Мисиме, который, как все мы помним, поставил в кон- це своей жизни жирную точку на военной базе близ Токио.

Эссе, названное писателем «Дон Кихот Токийский», предваряет два эпитафия, мастером которых, как мы могли убедиться ранее, он являлся.

Первый эпитафия взят из первого романа Ю. Мисимы «Ис- повесть маски»: «Меня манила стезя Дон-Кихота. Ведь в его эпоху многие увлекались чтением рыцарских романов, но лишь одному безумному идальго взбрело в голову претво- рить литературу в жизнь. Разве не был я похож на Дон-Ки- хота?».

Второй эпитафия – предсмертное стихотворение японско- го писателя, к 50-летней годовщине смерти которого было приурочено написание голландским мастером слова выше- упомянутого эссе:

«Вечерние ветры

Вишнёвый цвет обрывают,

И людям, и миру

Говоря:

«Не страшитесь смерти».

Позволю себе привести отрывок из данного творения Во-орта, дабы помочь читателю понять ход его рассуждений:

«Не претендую на сообщение истины в последней инстанции и истины вообще, ибо о какой истине можно говорить человеку, ещё не существовавшему в то время как человек, о котором он пишет, уже перестал существовать в обыденном понимании этого слова, и делающему свои умозаключения на паре десятков книг Мисимы и о Мисиме?»

***

Вот уже полвека миновало с того момента, как Кимитака Хираокэ отправился в самурайский рай напрямиком с военной базы Итигая.

Вот что по поводу самоубийства Мисимы писали японские газеты:

#####

Честно говоря, мне ничего не понятно, как, я думаю, и большинству читателей. Примерно таким же образом восприняло добровольную смерть писателя и большинство народонаселения Страны молодых побегов риса, да и всего остального мира.

Что роднит Мисиму к хитроумным идалго дон Кихотом Ламанчским?

Должен признать, любители вглядываться в детали найдут всё же больше различий, чем сходства между персонажем Сервантеса и жителем Токио Мисимой.

Действительно, первый – лишь идея человека, второй же – человек идеи – идеи красоты смерти.

Первый, в силу беспомощного состояния разума, не способен был прояснить для себя театральность жизни, второй же, прекрасно понимая эту идею, каждый день творил театральные представления. Не стал исключением и его последний день – 25 ноября 1970 г., когда Мисима устроил театрализованное представление на базе сил самообороны, который можно отнести к одному из лучших перформансов в истории рода людского, несмотря⁴ на всю его абсурдность и зловещий тон.

Вместе с тем, нельзя не отметить и сходства между двумя этими лицами: одним – персонажем своего писателя, другим – писателем своих персонажей. И тот и другой по большому счёту боролись с ветряными мельницами, находясь под впечатлением от идей рыцарства и не до конца понимая, вернее, отказываясь понимать, что времена рыцарства уже миновали.

Трижды крикнув: «Да здравствует император!»; Мисима прекрасно знал об отречении императора от инициаторов

---

⁴ вернее, благодаря ему.

монархического бунта в 1936 г. Именно поэтому самоубийство на военной базе и нельзя расценивать иначе, чем спектакль – «бессмысленный и беспощадный».

***

Следует заметить, что К. ван ден Воорт был ещё и замечательным, вдумчивым читателем, то есть не был, если можно здесь напомнить известный анекдот про чукчу-писателя, который, как известно, не читатель.

Полны смысла и выдают глубокую эрудированность его заметки по поводу прочитанных им книг. Большим упущением с моей стороны будет не привести здесь ряд таких заметок «на полях».

***

«Фрейдовское «Я и Оно» приобретает зловещий смысл после прочтения небезызвестного романа С. Кинга (имеется в виду «Оно» – прим. сост. обз.), в том числе и тот, что Фрейд de facto составил некое исследование о злобном клоуне внутри каждого из нас».

***

«Литература смешна. Всё эти художественные вымыслы от людей, ни черта не смыслящих в жизни, – чему они способны научить? Писатель, поскольку он зарабатывает своей писаниной, работает на потребу публики, которая способна переваривать сказки о добре и зле только с хорошим концом, воспринимать убийство абстрактного человека не в качестве чьей-то трагедии, но в качестве повода к никчёмному раз-

мышлению, к зарядке для мозгов.

Зло обычно описывается в соответствующем антураже: мрачные тучи, холод, ветер и прочая ерунда. Взять того же Оруэлла – погодные условия тоталитарного государства, контролирующего помыслы каждого своего гражданина, поганые: мусорный ветер, холод и т.д. Между тем, зло обыденно».

***

«Незабвенный Эдгар По, помнится, рассуждал о человеке как о существе надувающим (через соломинку лягушек, себе подобного на деньги).

У Хёйзинги есть книжка о человеке как существе играющем.

На мой взгляд человека можно также классифицировать как существо коллекционирующее. Человек коллекционирует фантики, значки, книжки, бутылки, деньги, должности, машины, а если повезёт, то и яхты, женщин (мужчин – тоже кому как повезёт), складки жира на животе и подбородке, невроты, привязанности, болячки и проч.».

***

Ближе к концу своего земного пути писатель решил заняться более глобальными проектами, чем написание эссе и «апологий». О них мы можем судить по незаконченным записям, найденным после его смерти и частично уничтоженным его родственниками. Вместе с тем, несмотря на гибель, как полагают многие исследователи его творчества, значи-

тельной части наследства писателя, даже по обрывочным и разрозненным остаткам его творений мы можем судить об обширности задуманного.

Так, среди записей, хранящихся в библиотеке родного города писателя, Арнхема, можно обнаружить начальные страницы его труда «Генеалогия рода человеческого», в котором, как усматривается из этих записей, писатель взялся за описание генеалогического древа своей семьи, а также генеалогического древа соседки по кровати.

Однако поняв, по всей видимости, всю бесперспективность сего занятия, он забросил составление такого обширного труда. В ряды своих сторонников, которые могли бы помочь ему в составлении генеалогии человечества, ему не удалось завербовать своих учеников и последователей – они, как известно, в последние годы жизни отвернулись от всё более замыкавшегося в себе писателя.

Исследователь творчества К. ван ден Воорта, господин С. Дроом, о котором я уже упоминал ранее, выдвигает такую версию отказа писателя от составления генеалогии рода человеческого. Он указывает в своей книге: «К. ван ден Воорт – писатель или графоман?» следующее:

«В конце концов вынужден был он [К. ванн ден Воорт] забросить это занятие, ибо с необходимостью приводили его последние выводы к тому, что род людской является плодом связи противоестественной, поскольку в Священной книге ничего не упоминалось о дочерях Адама и Евы.

При том простом допущении, что дочери не упоминались в связи с мизогинией Библии, возникало ещё больше вопросов. Например, если дочери Евы не упоминались в связи с пресловутой мизогинией, зачем тогда было упоминать о Еве? Или, даже если и были не упоминавшиеся в Библии дочери от связи Адама с Евой, то не исходит ли отсюда непреложный вывод о том, что род людской является результатом допотопной кровосмесительной связи?

К ужасу своему, выводы его подтверждала изначальное его убеждение о человеке как весьма болезненном (особенно на голову) существе (Как известно, плоды кровосмешения зачастую, за счёт повышения вероятности встречи одних и тех же патологических генов, отличаются слабым здоровьем – вспомним Габсбургов или Тутанхамона, гемофилию среди монарших отпрысков Европы XIX-XX вв.).

Всё эти проклятые вопросы так измотали писателя, что он забросил работу над своим глобальнымopusом».

Далее, в списке произведений К. ван ден Воорта мы можем видеть сохранившееся практически целиком творение «Генеалогия песчинки, обнаруженной автором на берегу марроканского побережья Атлантического океана в районе Каф Ляхмам».

Разумеется, приключения песчинки и её происхождение, берущее своё начало в глубине неисчислимых веков, является целиком и полностью плодом фантазии Воорта, поскольку сведения о такой истории вряд ли осознанно можно найти

в какой бы то ни было библиотеке мира.

Взяв за основу романа гипотезу о том, что песчинка, оказавшаяся на берегу океана, была перенесена из внутренних пределов Сахары, Воорт описывает как она, став такой, каковой она является в настоящее время, ещё в пятидесятом веке до Рождества Христова, переносилась на лёгких крыльях ветров по пространствам громадной пустоши и видела на своём веку, словно в трубке калейдоскопа, перемещения доисторических племён Северной Африки, зарождение, расцвет и угасание Египта фараонов, Карфаген, римские легионы, а затем и приход Ислама, англичан, французов, Сервантеса и Камю, выдуманную Доде высадку Тартарена, танковые колонны Вермахта, «арабскую весну и зиму» и многое, многое другое.

***

Автор путеводителя по произведениям Воорта чуть не забыл о серии его «апологий», которые следует воспринимать не как оправдание, но как восхваление, временами даже чрезмерное, любимых писателей Воорта – Кафки и Павича.

Ничего апологического в «Апологии Кафки», честно говоря, обнаружить не удалось. Это скорее попытка совместить сюжеты «Превращения», «Процесса» и «Исправительной колонии» на некоем, известном только Воорту, уровне.

Так, главный герой «Апологии...», Франц, сначала превращается в жукообразное существо, затем его судят за это, а может, и не за это, однако после этого не приканчивают

«как собаку», а обрабатывают на адской машине из «Исправительной колонии».

В ходе казни Франц понимает, за что его осудили, однако, поскольку рот (точнее, мандибулы, лабрумы и лабиумы) у него заткнут, читатель так и не узнаёт, осудили ли его за то, что тот превратился в жука или за какое-то иное прегрешение.

Равным образом не удалось обнаружить ничего апологичного в «Апологии Павича». Составлена она из двух глав, первая из которых состоит исключительно из вопросительных знаков, а вторая – из восклицательных.

Вот, собственно, и весь обзор произведений Карла ван ден Воорта, Если кому не нравится сей путеводитель, он может его и не читать.

Что же до нашего суждения о творениях этого малоизвестного сочинителя, то мы можем лишь констатировать, что ничего особо выдающегося Воорт не написал за всю свою не слишком короткую жизнь. В ряде мест в книгах данного писателя создаётся впечатление, что он бодрствует во сне и забывается наяву – настолько неясны, непонятны и загадочны смыслы и замыслы его произведений.

Хотя в начале путеводителя его автор счёл и назвал Воорта своим учителем, к концу путеводителя автор сменил точку зрения на прямо противоположную и, в общем-то, полагает, что совершенно напрасно взялся за труд написания сего опуса. Пожалуй, он его даже бросит в топку ещё до пуб-

ликации.

На обложке представлена художественная композиция автора «Алеф».